

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев
(Русская азбука для народных школ и для домашнего обучения по новейшей простейшей методе. Издание Лермонтова и комп. 1860. - Русская азбука с наставлением, как должно учить. Второе издание, значительно дополненное. В. Золотова. Издание товарищества "Общественная польза". 1860. - Хрестоматия. 28, басен русских баснописцев Измайлова, Хемницера, Дмитриева и Крылова. Издание Лермонтова и комп. 1861. - Беседы в досужее время. Рассказы для чтения простому народу. Издание А. Станюковича, 1860. - дедушка Назарыч. Рассказ А. Погорского. 1860. - Первый винокур. Древнее Сказание. Механик-самоучка Кулибин. Соч. И. Троицкого. Из "Народного чтения". 1860. Дядя Тит Антоныч учит, как надо любить ближнего. Соч. Н. С. 1861. - Княгиня Ольга, первая русская правительница-христианка. Соч. Н. С. 1861)

Наконец общество начинает сознавать, что на нем лежит обязанность делиться с народом знаниями и идеями. Вероятно, многие из, книг, поименованных в заглавии моей статьи, написаны с добросовестным желанием принести пользу; вероятно также, что некоторые из них составлены с промышленной целью; но и это не беда. Составить предмет спекуляции может только такое предприятие, которого необходимость вошла в общественное сознание. Разумеется, книга, написанная для народа только ради торгового сбыта, не делает чести нравственному чувству ее составителя, но самое существование подобной спекуляции - факт отрадный, потому что он указывает на большой запрос или по крайней мере на возможность подобного запроса в ближайшем будущем. Необходимость народного образования вошла в общественное сознание, но между теоретическим и практическим решением вопроса лежит целая бездна. Давно ли в наших журналах рассуждали и спорили о том, нужна ли и полезна ли для народа грамотность? {1} Вопрос этот решен утвердительно, но самая возможность подобного спора, самая необходимость доказывать аксиому служит осознательным примером того, каково и непривычно для нас дело народного образования. И это не удивительно. Потребность умственного прогресса была отодвинута в нашей жизни на задний план, и мы вместо истинного образования довольствовались одними внешними условиями его; мы не видели или, лучше, не хотели видеть, что позади нас есть миллионы других людей, которые именуют одинаковое право на человеческую жизнь, образование и социальное усовершенствование. Теперь мы сознаем, что без этих миллионов людей мы не далеко уйдем с своей привозной цивилизацией и с своим просвещением, взятым напрокат. Таким образом, великой задачей нашего времени становится умственная эманципация масс, через которую предвидится им исход к лучшему положению не только их самих, но и всего общества. Школой нашего воспитания является весь народ, а воспитателем его образованное меньшинство. В теории мы знаем, что надо делать. Надо изучить характер воспитанника, взвесить те обстоятельства и обстановку его прежней жизни, которые могли иметь влияние на склад его способностей и жизни, надо честным и откровенным обращением приобрести его доверие, надо узнать его насущные потребности и наконец, ощупав действительную почву, взяться за дело так, как потребуют обстоятельства, как бог на душу положит, не ожидая от теории решения таких вопросов, которые должны решаться на месте, путем какого-то наития и творческого вдохновения. С такими требованиями каждый развитой человек имеет право обратиться к любому порядочному воспитателю, и, вероятно, в этих требованиях не будет ничего преувеличенного. Если же нельзя браться кое-как, с налета, за воспитание ребенка, то тем более нельзя с кой-какими теоретическими сведениями приступить к воспитанию народа. В первом случае мы рискуем приготовить обществу дурного гражданина, может быть несчастную жертву порока; во втором - мы принимаем на себя тяжелую ответственность за свою нацию. И если жалко видеть отдельное лицо, испорченное ложным воспитанием, то с каким же чувством мы должны смотреть на умственный разврат всего народа? К сожалению, мы редко задумываемся над этим вопросом и, облачаясь в сан воспитателя его, оказываем ему услугу, подобную той, какую в басне Крылова оказал медведь спавшему пустыннику. Говоря вообще, мы плохо понимаем требования народной жизни, хотя и много кричим на эту тему. Теоретики, фразеры, реформаторы с высоты величия отвлеченной мысли, доктринеры, фанатики, готовые умереть на словах за честь своего знамени, энтузиасты, крикуны и махачели руками расплодились неимоверно в нашем рассыропленном обществе. Предприятия возникают и лопаются; теории в один день создаются и распадаются; все как будто заняты, а дело движется медленно вперед. Мы никогда не отличались особенной энергией, но теперь на всех заметна апатия, лихорадочные порывы и вслед за ними какая-то нравственная усталость и беспощадное равнодушие. Первое препятствие

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org охлаждает нас, первая неудача отбрасывает наши силы в совершенное бездействие. Притом мы давно привыкли думать, что великие дела можно делать посредством маленьких людей, между тем для добросовестного выполнения и маленького дела нужен если не великий, то хороший человек. Мы эту истину ценим мало; и я уверен, что, остановив на улице тридцать встречных предложив им быть воспитателями народа, мы получим отказ разве от одного: все прочие точно так же возьмутся за этот труд, как они взялись бы за переписывание бумаг. Это признак совершенного непонимания общественных интересов и крайнего презрения к ним.

Встречаясь с слабыми и бледными попытками провести в народное сознание несколько светлых мыслей, я прежде всего считаю нужным выяснить до некоторой степени те формы, в которых вообще может и должна проявиться пропаганда. И педагог, и поэт, и учитель, и профессор - пропагандисты, которых влияние, конечно, обусловливается их личными свойствами в достоинствами; но между пропагандой поэта и педагога нельзя не заметить существенной разницы. Поэт не видит перед собою публики и не рассчитывает на нее, не взвешивает каждое слово и не предлагает себе на каждом шагу вопроса: какое впечатление произведу я на современное общество. Создавая во внутренней необходимости, выделяя из себя то, что накопилось и накипело в груди, он весь занят своим предметом, весь живет в мире вызванных им образов и, кроме этих образов, в минуту творчества не видит ничего, да и не должен ничего видеть. Связь между поэтом и обществом неизбежна, но она существует помимо воли поэта, и поэт не делает, да и не должен делать ни шагу, чтобы скрепить или ослабить эту связь. Связь эта основана на том, что поэт переживает ее современниками и горе, и радость, и надежды, и опасения, и моменты юношеской веры, и годы мучительных сомнений и тяжкого раздумья. Он переживает все это вместе с нами, но чувствует живее нас, оттого наша неясная грусть или тревожная, но еще не сознанная в почти беспринципной радость в созданиях поэта принимают плоть и кровь; оттого-то поэт учит нас, не говоря нам ничего нового.

В пропаганде педагога, напротив того, все соображено, размерено и клонится к пользе воспитываемой личности. Его пропаганда должна быть последовательна и строго сообразна условиям времени, личности и степени ее развития. Насколько поэту необходима искренность чувства, настолько педагогу необходима постоянная наблюдательность и осторожность как в выборе предмета, так и в процессе его изложения. Чистый тип поэта в педагога, вероятно, не встречается в природе, потому что вообще не встречается воплощений отвлеченных качеств. Чтобы быть поэтом в деле народного образования, надо стоять на одной почве с народом, надо горячо любить его, и притом любить просто и без претензий, надо силою непосредственного чувства понимать в его невысказанное горе, и несознанные надежды, и невыясненные стремления. Кроме Кольцова, вряд ли кто-нибудь из пашня замечательных поэтов умел в своих произведениях жить одною жизнью о той массою людей, которая нуждается в умственном содействии со стороны образованного меньшинства. Ни Пушкин, ни Лермонтов не могла проникнуть творческою мыслью исключительно в народное мироозерцание, потому что все их внимание было поглощено анализом окружающей их полурусской среды, сложившейся под влиянием акклиматизации европейского этикета, европейских предрассудков и отчасти европейских идей и взглядов. Эту среду, в которой они выросли и развились, наши поэты поняли и изучили; что же касается до простого народа, с которым каждый из нас имеет чисто внешние отношения, то из него наши поэты брали некоторые характерные фигуры, но при этом постоянно останавливались на одной внешней стороне явления. Они представляли лакея, крестьянина, фабричного и т. п., но, кроме подробностей костюма и обстановки, кроме копирования домашнего быта и языка, кроме воспроизведения внешних отношений, в их произведениях не было ничего такого, в чем выражалось бы понимание внутренних и существенных особенностей русской жизни. Осип в "Ревизоре", Петрушка и Селифан в "(Мертвых душах" живые люди, это бесспорно, но они схвачены только с внешней стороны, как лица, составляющие декорацию, обстановку и потому не заслуживающие особенно тщательного рассмотрения. Все, что они говорят, - верно; все это непременно было бы сказано русским дворовым человеком, находящимся в их положении, но все это, взятое вместе, так незначительно, что никаким образом не дает читателю средства проникнуть во внутреннюю мир этих личностей. После Гоголя дело сближения образованного класса с народом подвинулось вперед; главными действующими лицами романов и повестей стали являться русские мужики и бабы, но здесь анализ скользит по одной поверхности. Романы из народного быта рисовали и рисуют нам не столько характеры, сколько положения. Если есть драматическая борьба, то она

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org замыкается в круг чисто внешних происшествий. Через его все характеры являются в напряженном состоянии, и мы видим не естественное и спокойное развитие жизни, а нравственные судорога, которые не позволяют нам делать какие бы то ни было заключения о выражении лиц в обыденные, будничные минуты жизни. На это мне, может быть, скажут, что трудовая, пасмурная жизнь крестьянина так бесцветна и однообразна, что собственно человеческие стороны его личности выражаются только проблесками, в те минуты, когда заговорит ретивое и когда наш простолюдин на несколько мгновений срывает с себя тяжелую и вынужденную апатию.

Но это возражение опровергается песнями Кольцова, относящимися так часто и с такою любовью к этой заунывной, трогательной стороне народной жизни, состоящей из длинного ряда однообразных трудов, крупных и мелких лишений. Притом замечу, что только незнание русского человека и человека вообще может решить так смело и голословно, что обыденная жизнь простолюдина сама по себе бесцветна и пуста. Народ ближе нас стоит к природе и смотрит на окружающий его мир яснее, чем мы, потому что взгляд его не омрачен предубеждениями и ложными понятиями нашей жизни. Но потому-то нам и трудно наблюдать и анализировать внутреннюю сторону народной жизни. Мы обыкновенно подступаем к ней с предвзятыми идеями и даем свой собственный, произвольный смысл действительным явлениям. Кто, например, понял и верно выразил отношения крестьянина к любимой им женщине? Изображая отношения между влюбленными, наши романисты большею частью рисовали нам сцены, созданные воображением, сцены, за верность которых не поручится ни сам автор, ни внутреннее чутье читателя. "Свидание", описанное в "Записках охотника" Тургенева, составляет в ряду подобных сцен редкое исключение, но при этом не должно упускать из виду обстоятельство, которое. придает всей сцене живой и своеобразный колорит. Тургенев выставляет контраст между девственную, свежею душою молодой крестьянки и засущеною и пошлою натурою лакея, любимца барина. Внешнее положение действующих лиц само по себе так характеристично, что оно совершенно овладевает вниманием читателя и совершенно выкупает в его глазах недостаток анализа самого чувства. Семейные отношения точно так же были недоступны правильному наблюдению наших писателей; мы знаем, что отец хозяин в доме, что муж распоряжается с женою despoticски, что жена считает такой порядок вещей естественным и законным, что взрослые дети ходят в страхе, перед стариком отцом; но все эти сведения очень похожи на приметы, выставляемые в паспортах и отпускных билетах; живое явление жизни трудно исчерпать описанием; его надо прочувствовать и пережить на самом себе; если бы какой-нибудь путешественник, проживший лет десять в Парагвае или на Сандвичевых островах, написал роман из тамошних нравов, мы, вероятно, с большим любопытством остановились бы на описании местных обычаяев, обрядов, образа жизни, быта и предрассудков, но в то же время имели бы полное право усомниться в жизненной верности и полноте выведенных характеров и изображенных личностей. А между тем, читая романы из народного быта, публика наша думает, что имеет дело с действительной народной жизнью. Спрашивается: разве различие между каким-нибудь парагвайцем и европейским туристом значительно больше того различия, которое существует между русским простолюдином и русским писателем? Разве между простолюдином и писателем есть какая-нибудь связь, кроме единства языка и места рождения? Разве отношения простолюдина к писателю искреннее, задушевнее и ближе отношений парагвайца к заезжему европейцу? Мы любим народ или по крайней мере воображаем себе, что любим, потому что мудрено действительно любить того, кого мы почти не знаем, но народ не любит нас и не верит нам. Мы для него до сих пор ровно ничего не сделали, мы его трудами жили в течение столетий, и он это помнит тою самою памятью, которая до сих пор хранит в народной песне воспоминания о Дунае-реке и о Владимире-Красном солнышке. Кто станет винить нашего мужика в том, что он в каждом одетом по-европейски господине видит человека, с которым надо держать ухо востро и с которым пускаться в откровенность не следует ни под каким видом? - Как бы то ни было, мы должны признаться, что при настоящем положении дел изучение народности только что начинается; мы едва начали распознавать ее существенные признаки, мы не можем даже дать внешнего описания народного типа, стало быть, вывести этот тип в художественном произведении еще нет никакой возможности. История разлучила нас с ним гораздо ранее Петра. До сих пор, сколько можно припомнить, народная инициатива выразилась только в эпоху самозванцев да в 1812 году; во все остальное время народ наш представлял собою огромную массу, повиновавшуюся данному извне толчку по силе инерции и принимавшую любую форму, смотря по тому, откуда чувствовалось давление. - На основании всего сказанного можно допустить предположение, что едва ли поэтическая и педагогическая пропаганда по силам нашему поколению. Нашей поэтической

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org пропаганды народ не поймет, потому что мы говорим на двух разных языках, живем в двух разных сферах и в умственных наших интересах не имеем ни одной, да, ведь ни одной точки соприкосновения. Что волнует лучших людей нашего общества, что заставляет их стремиться к отвлеченной истине, к знанию ради знания, что заставляет их страдать и радоваться муками творческого рождения, то, конечно, покажется вся кому здравомыслящему, но неразвитому простолюдину искусственною потребностью, прихотью барства, следствием изнеженной и праздной жизни. Эстетические понятия наши расходятся так же сильно с понятиями нашего народа; что нам кажется превосходным, вызывает наш ум на усиленную деятельность, а в душе будит целый мир неясно сознаваемого чувства, то, наверное, покажется народу слишком бледным, потому что требования его фантазии и сердца гораздо шире и проще наших. Словом, расстояние между нашими воззрениями и наклонностями до сих пор еще так велико, что оно исключает всякую возможность непосредственного понимания. Нам достаточно было бы развернуть перед народом наше миросозерцание во всей его полноте, чтобы внушить, ему недоверие и боязнь. Есть такие народные верования и предрассудки, которые невозможно затрогивать грубо и неосторожно; их надо разрушать исподволь, надо вести народное развитие, не касаясь их прямо и предоставляем устранение времени и здравому смыслу. Стало быть, надо действовать педагогически, т. е. принаршивливать свое изложение к понятиям слушателя и не сходить с его точки зрения. Но для педагогической деятельности необходимо, чтобы, во-первых, воспитатель знал своего воспитанника вдоль и поперек и чтобы, во-вторых, между воспитателем в воспитанником существовало полное доверие. В последнем случае нам представляется величайшее затруднение. Мы можем возвратить доверие народа только тогда, когда станем к нему снисходительными братьями. Доселе мы искали только одних прав и расширения произвола в отношении массы, но не хотели знать, что, кроме прав, есть и обязанности с нашей стороны.

Высказав свое мнение о народной литературе вообще, приступлю к разбору фактов, т. е. вышедших для народа книжек. Этот разбор фактов подтверждает мое заключение, сделанное *a priori*; скажу более: он приводит к результату гораздо более печальному, чем можно было ожидать. Если бы принять совокупность лежащих передо мною книжек за *maximum* того, что может дать народу пишущая Россия, то можно было бы подумать, что у нас нет ни одного таланта, ни одного человека, любящего народ.

В этих книжках даже нельзя указать на слишком большие ошибки, потому что они ниже ошибок. Если бы составители этих книжек имели какое-нибудь понятие о своей задаче (т. е. о народе, для которого пишут, и о предмете, по которому пишут), то, хотя бы это понятие было ложное, самое существование его отразилось бы в большей жизненности а теплоте изложения. Но в этих книжках нет ни мысли, ни направления, ни понимания народности; это даже не книги, это бумага, более или менее серая, напечатанная более или менее убористым шрифтом, с большим или меньшим числом опечаток. – Четыре книжки, именно две азбуки и два сборника стихотворений, по многим причинам должны быть изъяты из общего разбора, и потому я теперь же скажу о них несколько слов. Обе азбуки составлены по новой методе, и в них обучение начинается не с букв, а с целых слов; эта метода, признанная современною педагогикою, действительно рациональнее прежней методы и отличается большими практическими удобствами. Когда русскому человеку говорят русское слово, он его понимает, но когда неграмотному человеку называют букву, он решительно не в состоянии понять, что это такое. Факты доказывают нам, что в истории изобретения письмен буквенная система занимает высшую и последнюю степень и что гораздо прежде разделения слов на буквы находилось в употреблении письмо, изображающее самые предметы или символически указывающее на идею, того слова, которое нужно было написать. Не слово составилось из букв или звуков, а, напротив того, звуки произошли оттого, что аналитическая деятельность ума разложила существующие слова и нашла в них общие составные части, элементы, которые сами по себе, самостоятельно никогда не существовали. Требовать такой аналитической деятельности от человека неграмотного и мало мыслившего нельзя; поэтому необходимо, чтобы учитель на наглядных примерах показал ему, как слова делятся на слоги, а слоги на буквы, и на этом основании метода, предлагаемая двумя названными мною азбуками, во многих отношениях облегчает первоначальное обучение, которое было так скучно и утомительно для учителя и для ученика. Часть изобретения этой методы принадлежит европейским педагогам; применена она в обеих азбуках недурно, но, сколько мне кажется, она лучше применена в издании Лермонтова и комп. В азбуке Г. Золотова воспитанник, прочтя при помощи учителя девять двусложных слов, в первом же упражнении переходит к слогам и

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org даже к буквам; в азбуке Лермонтова этот переход делается нечувствительно; там ученик прочитывает ряд слов, очень коротких и сходных между собою по своим составным частям, например: _ты, то, та, - ты, мы, вы_. Вида сходство в написании и звучание в произношении, он естественно проводит параллель между тем и другим и собственным умом доходит до понимания отдельных букв; это возбудительное влияние, которое азбука может оказать на самодеятельность мысли, особенно важно и полезно, потому что оно ободряет ученика и облегчает учение. В обеих азбуках есть несколько страниц упражнений; на них, как это бывает во всех дюжинных азбуках, есть и нравоучения, и арифметика, и статистические сведения о России; все там есть, и зачем оно туда попало единому богу известно. Азбуки изъявляют желание быть энциклопедиями и через это перестают быть хорошими азбуками. Достаточно было бы, кажется, дать ученику, выучившемуся читать, страниц 20 занимательного и понятного чтения, чтобы приобщить его или, пожалуй, просто чтобы дать ему средства с удовольствием почитать под руководством учителя; но из чтения истории, арифметики, правил общежития и из всех этих отрывочных полуусведений выходит такая скучная в бесполезная смесь, что ученик, конечно, не в состоянии будет ни прочесть ее с удовольствием, ни приобрести из нее какое-нибудь действительное знание. На двух страницах азбуки г. Золотова (26 и 27) говорится об именованных числах, о календаре, о древней истории, о сотворении мира, о рождестве христовом, евангелии и об основании российского государства. Прочтя такие две страницы, невольно вспомнишь о том уездном учителе, который в одни урок прочитал от ассириян и вавилонян до Александра Македонского и даже в заключение сломал казенный стул. Вот, например, о древней истории: "Во все это время (от сотворения мира до 1860 года) жили разные народы; самыми древними из них были египтяне, вавилоняне, евреи, римляне, греки и многие другие", а далее уже следует об откровенном законе Моисея и о рождестве христовом. А вот из азбуки Лермонтова статья из отдела "Основные законоположения": "Власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста, с различием и в пределах, законами для сего постановленных (Св. Зак. Т. X, ст. 158)". Насколько, прочитав эти строки, ученики получат понятие о древней истории и о пределах родительской власти в России – это я предоставлю решить самим составителям. Есть родители и воспитатели, которые, желая своим детям и воспитанникам добра, говорят: пускай всему учится, все пригодится; не узнает всего вполне, по крайней мере получит какое-нибудь понятие. В отношении к понятию эти педагоги чрезвычайно нетребовательны; они часто называют понятием одно слово, одну фразу, часто просто имя собственное.

С этой точки зрения можно, пожалуй, оправдать приложения к азбукам Золотова и Лермонтова, но я позволю себе держаться мнения диаметрально противоположного и потому замечу, что нехорошо и недобросовестно заваливать память человека, которому придется в будущем многому учиться; это значит злоупотреблять правами учителя и терпением ученика. – Оба сборника стихотворений отличаются вычурностью обертки и совершенно случайностью в выборе помещенных пись. Любопытно было бы спросить, у господ составителей, какой цели старались они достигнуть своими сборниками, нравственной или эстетической? Хотели ли они дать народу назидательное чтение или просто познакомить его с лучшими произведениями русской поэзии? Отвечать на этот вопрос я предоставлю им самим, а от себя скажу только, что они не достигли никакой цели. Первая цель вообще недостижима, потому что исправить нравственность человека баснями и поучениями невозможно. Вторая цель не достигается по причине крайней неразборчивости составителей. Плохие басни Дмитриева и Измайлова без малейшего выбора ставятся рядом с баснями Крылова; и к чему все это, и, почему это предназначается для народа, и что может, по расчетам составителя, найти народ в этих книжках – не знаю, да и считаю лишним исследовать. До сих пор я имел дело с такими книгами, которых идеи собственно, не подвергались критике. В азбуках мы видели применение известной методы; в сборниках – перепечатку давно известных произведений. Составителям принадлежали только расположение частей и выбор. И то и другое оказалось неудовлетворительным; посмотрим, что дадут нам книги, не _составленные_, а _написанные_ для народа"

В числе этих книг есть беллетристические опыты ("Первый винокур" и "Дедушка Назарыч"), нравственные рассуждения ("Дядя Тит Антоныч учит, как надо любить ближнего"), попытки популярно изложить начала физики ("Беседы в досужее время"): в два биографические очерка ("Княгиня Ольга" и "Механик-самоучка Кулибин"). Рассмотрю сначала повести. Древнее сказание "Первый винокур" написано с дидактическою и полемическою целью и напоминает наивные проповеди против пьянства, которыми так богата наша древняя

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
церковная литература. Глас вопиющего в пустыне раздается до нашего времени; желание наговорить читателям множество душеспасительных поучений, желание исправить народную нравственность фразами живет, как видно, и в нашем веке. Кто берет в руки перо, чтобы писать для народа или для детей, тот непременно задает себе какую-нибудь благонамеренную задачу, неуклонно стремится к достижению своей добродетельной цели, не обращая внимания на бедность собственной фантазии, и заканчивает свое скучное произведение нравоучением, которое выражает собою всю идею и венчает дело. В этом разряде литературных произведений применяется, как видно, самым оригинальным образом знаменитое положение Макиавелли: "цель оправдывает средства". Автор древнего сказания "Первый винокур" ставит себе великую и полезную задачу отучить народ от пьянства и очернить в общественном мнении не только откупщиков, но даже и винокуров.

Желая внушить мужику отвращение к пьянству, он рассказывает, что курение вина идет от дьявола и что первый винокур был чертей, посланный на землю самим сатаною, чтобы сотворить людям великую пакость. Автор не сообразил, какое влияние может произвести его брошюра. Я с своей стороны думаю, что она будет совершенно оставлена без внимания, но автор, решившийся писать и издавать рассказ с нравоучительной целью, по всей вероятности рассчитывал на то, что народ поверит его доводам и будет сочувствовать его идеям. Если автор таким образом смотрел на вещи, то он сделал непростительную педагогическую ошибку. Пьянство вредно, в этом спору нет, но народное суеверие, исключающее всякую возможность разумного и здорового миросозерцания, составляет не меньшее зло, - и притом такое зло, против которого может и должна бороться литература. Что же делает рассказ "Первый винокур"? Поражая пьянство, он поддерживает дикие народные предрассудки. Он ратует против пьянства теми самыми доводами, которыми народ ополчился против табаку, против картофеля, против железных дорог, словом, против всякого заморского изобретения. "Православные люди, - говорит автор, - это дьявольское наваждение; отплевывайтесь и открешивайтесь от него". И с такою логикою, с такими литературными приемами люди берутся учить народ, просвещать и гуманизировать его. Наш народ верит во все сверхъестественное, в чертей, в колдунов, в домовых, в леших, в водяных, в русалок, в ведьм, оборотней и знахарок; и вдруг ему представляют нравоучительный рассказ, которого главные действующие лица взяты из преисподней и созданы самою безобразною и в то же время бессильною фантазией. Хороши народные воспитатели, которые укореняют и узаконяют народные предрассудки и делают из них пугала для поддержания народной нравственности и первобытной простоты нравов. К сожалению, должно сознаться, что, несмотря на дикое направление, этот рассказ написан живым языком и что народ может понять его и, сколько мне кажется, прочесть с удовольствием. Художник, если бы его воображению представились гибельные последствия пьянства для народной нравственности, воплотил бы эту идею в простом, безыскусственном образе, взял бы материалы из живой действительности и написал бы такую картину, которая для читателей всех сословий имела бы свой смысл и всем им сказала бы свое слово. Взялся за ту же идею проповедник, нагородил вздору, состроил фантастическую историю, не принес ни малейшей пользы, а может быть, даже сбил с толку какого-нибудь простодушного и доверчивого читателя.

Другая повесть г. Погосского "Дедушка Назарыч", не представляя никаких положительных достоинств, не бросается в глаза яркими недостатками. Г. Погосский недурно владеет языком, не употребляет высокопарных выражений, непонятных для народа, но в его литературных приемах есть некоторые странности, показывающие что он не художник; он подделывается под солдатский говор и испещряет свои страницы разными замысловатыми метафорами, непонятными для непосвященных. Огород он сравнивает с фронтом солдат, кочни капусты расставлены у него по ранжуру и образуют шеренги, словом, фантазия автора черпает из военного артикула богатый запас сравнений и образов.

Такого рода приемы встречаются очень часто в такой литературе, которая предназначается для публики, стоящей ниже автора по умственному своему развитию. Вместо того чтобы возвысить ее до себя, автор сам унижается до нее и перенимает ее дурные привычки или невольные ее уклонения от разумности и естественности. Не может быть, чтобы г. Погосский сам находил свои воинственные сравнения изящными и уместными. Скалозубы вообще не любят литературу и относятся к ней с пренебрежением, а г. Погосский, как издатель "Солдатской беседы", {2} сам доказывает фактически, что не таковы его наклонности и убеждения. А подделываться под вкус публики, которую желаешь развить и гуманизировать, значит подчиняться нравственному влиянию своего

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
ученика и исполнять и предупреждать его нелепые капризы. Мы знаем, что наш народ считает изящным, и однако, стараясь подвинуть вперед его эстетическое образование, не станем распространять по дешевой цене лубочные картины с безграмотными и бессмысленными подписями. Современная педагогика дошла до того убеждения, что надо воспитывать преимущественно и прежде всего человека, что даже склад ума и наклонности воспитанника должны иметь влияние на состав энциклопедического преподавания, т. е. что будущий гуманист, будущий математик, юрист, офицер, администратор, технолог должны получить прежде всего одинаковое общее образование, которое бы возвысило и укрепило в них чувство и сознание собственного человеческого достоинства. Узкая специальность и неорганическое обособление отдельных сословий ведут к духу исключительности и нетерпимости, дробят народность и сознание национального единства. Деятельность специалиста не исключает в нем общительности и не должна развиваться в ущерб человеческим качествам ума и сердца. Можно быть храбрым солдатом и не класть всю душу в выправку и ружейные приемы. Можно быть опытным фронтовиком и выражаться общечеловеческим и общепонятным языком. Кроме несовершенств внешнего изложения, можно еще заметить в рассказе г. Погосского один существенный недостаток. Спрашивается: почему именно старый солдат выбран г. Погосским для того, чтобы украситься всеми лучшими качествами человека. Почему именно идеалом добродетельного старика является старый солдат. Если это сделано в назидание читателям-солдатам, то я упрекну г. Погосского в дидактизме, который, как неоднократно бывало доказано, никогда не достигает даже своей узкой и ограниченной цели. Жизнь, полная деятельности, тревог и лишений, жизнь походная и бивачная, отсутствие своего кровя, оторванность от семьи заставит неразвитого человека съежиться в самом себе, но никак не доведет его до той идиллической мягкости, которой отличается все поведение Назарыча.

"Беседы в досужее время" до некоторой степени напоминают те энциклопедические сведения, которые сообщают азбуки Золотова и Лермантова. На 72-х крошечных страничках автор уместил и предостережение против деревенских знахарей, и панегирик ученым врачам, и магнетизм, и гальванизм, и электрическую машину, и паровозы, и телеграф. Люди, читавшие или изучавшее физику Ленца, конечно поймут, что хочет сказать автор; но поймет ли это народ вынесет ли он из книжки что-нибудь существенное - это вопрос, да еще очень важный. Да, наконец, допустим, что народ поймет, как устроен вольтов столб ж как производится гальванопластическое золочение. Какая ж в этом будет польза? Представьте себе, что я бы прочел путешествие Герберштейна по России, потом палеонтологию Кювье, потом исследование о языке кави Вильгельма Гумбольдта, потом геральдику Лакиера, потом "Radices linguae slavicae" {"Основы славянского языка" (лат.). - Ред.} Добровского и т. д. неужели тысячи страниц в целые полни томов, поглощенных таким образом, обогатили бы хоть на одну йоту мой внутренний мир? Мне кажется, что, напротив, надо было бы быть чуть не гением, чтобы при таком чтении не сделаться круглым дураком. А ведь народное образование, выряжающееся в грошовых изданиях, ведется именно таким образом. Если бы народ прочел и усвоил себе то, что специально для него пишут, то это было бы для него величайшим несчастием; это заволокло бы тусклую тинью живую струю народного ума. Образование народа пойдет мимо этих бездарных попыток, и пойдет неудержимо волною, когда дремлющие силы сознают собственное существование и двинутся по внутренней потребности. Скажите, какую живую мысль даст нашему мужику описание вольтова столба? Улучшится ли от этого его материальное благосостояние, прибудет ли хлеба на гумне, перестанет ли он быть свою хозяйству, внесет ли он человеческую логику в свои верования и убеждения? Придет время говорить и о вольтовом столбе, да ведь не теперь же и не таким образом. Ведь нельзя же забрасывать человека незнакомыми словами, до которых ему нет дела, ведь зарябит в глазах и зашумит в ушах от этой бесцветной пестроты. "Беседы в досужее время" могли бы быть хорошей книжкою, если бы они не захватили разом такое множество предметов, если бы они о чем-нибудь одном поговорили подробно, занимательно и общепонятно. Но тут-то и является препятствие: чтобы говорить подробно, надо прочесть что-нибудь, кроме учебника, да и подумать о том, что выбрать и как изложить. Сказать же вскользь о громе, потом об электрических машинах, потом о гальванизме, выказать при этом просвещенное сочувствие к прогрессу и привести этимологию этого слова, порадоваться на свою образованность и ткнуть мужику в глаза его невежество и суеверие - на это способен любой гимназист, перешедший в старший класс и гордый своим общественным положением. Если что при таком изложении забудется - не беда, можно заглянуть в учебник; а переврешь что-нибудь - и то не штука, благо публика ничего не знает и взыскать не сумеет. Если народные книжки не являются у

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
нас сотнями и тысячами, то разве только потому, что книгопродавцы боятся типографских издерек и не уверены в сбыте. За авторами не стало бы дело; народная книжка всякому по плечу; она не требует от составителя ни стараний, ни сведений, ни любви к своему делу, ни даже уменья порядочно писать по-русски. Захотел и написал, а что из этого выйдет, об этом смешно и спрашивать. Конечно, ничего не выйдет, и это самое утешительное, что можно сказать в этом случае. Было бы страшно за будущее нашего народа, если бы можно было думать, что недоучившиеся или ничему не учившиеся бездарности могли бы иметь какое-нибудь влияние на его образ мыслей. Народ, который можно было бы вылечить от вековых предрассудков грошовою книжкою, был бы пустой народ, который не стоило бы воспитывать, которого убеждения никогда не приобрели бы стойкости и самостоятельности. Из дряблого и мягкого дерева трудно выточить хорошую вещь, а твердое дерево уступает с трудом и как будто борется с обрабатывающим его инструментом; часто бывает и то, что плохой инструмент ломается о хороший материал.

Книжка "Дядя Тит Антоныч учит, как надо любить ближнего" стоит ниже всякой критики. Это скучная, бесцветная вроповедь, облеченнная неизвестно зачем в диалогическую форму, обставленная неправдоподобными личностями, не существующими ни в русском, ни в каком-либо другом быту. Дело вот в чем: у хозяина-мужика живет батрак, тоже мужик, который в деревне играет роль проповедника и которому сам хозяин и соседние поселяне кланяются в пояс. Этот деревенский патриарх, поступивший в батраки для процесса самоуничижения, объясняет текст из евангелия собравшимся соседям; все слушают с благоговением и выносят из его речи то незамысловатое заключение, что турки, немцы и французы такие же люди, как и русские, и потому имеют право на нашу любовь и на наше участие. - Мне кажется, все рассуждение в высокой степени бесполезно и сверх того изложено языком растиянутым, витиеватым и в то же время водянистым. Ни одно слово не бьет в сердце; ни разу оратор не возвышается до пафоса и не покидает старчески-византийского тона речи, {4} ни в одной строке не слышно живого чувства; везде условная, клерикальная риторика, везде холодная, бесстрастная наставительность. Знаний эта брошюра не дает, на чувство подействовать не может, стало быть, больше нечего об ней и говорить.

На эту брошюру похожа по своей внешности биография княгини Ольги; кажется, она составлена тем же автором; на обеих книжках написано "соч. Н. С.", и обе они представляют значительное сходство в литературном отношении. Приемы построения совершенно те же. Точно так же какая-то личность, называющая себя, т. е. говорящая от своего имени, подходит к группе деревенских мальчиков и девочек, собравшихся вокруг учителя. Роль дяди Тита Антоныча в этой брошюре играет приходский священник отец Павел. От перемены имени не переменяется манера изложения; она представляет ту же утомительную бесцветность, которую в высокой степени отличалось повествование дяди Тита; в этой брошюре эта утомительность еще заметнее, потому что от исторического рассказа мы требуем того, чего нельзя ожидать от поучительного слова. Но уж таково свойство бездарности, что она вносит холод и скуку во все, за что ни берется. Рассказ о жизни Ольгишибко сбивается на проповедь; он составлен по житию св. Ольги и осознательно показывает, как мало автор умел воспользоваться своими источниками. История, сколько мне кажется, даже в настоящее время нужна для народного образования: фон исторической картины, колорит места и времени, подробности, рисующие громадную, хотя отвлеченную личность народа, должны обратить на себя все внимание историка, способного писать для народа, т. е. излагать свои идеи просто и популярно. Пусть на атом фоне выделяются и выступают перед воображение читателя личности отдельных исторических деятелей и работников. Народу необходимы исторические идеи; из этих идей формируются убеждения, составляется миросозерцание. Но чем нужнее какой-нибудь предмет, тем строже надо быть в его выборе, тем неумолимее надо клеймить неудачные и бессмысличные попытки. В биографии княгини Ольги - бедность содержания, бесцветность изложения отсутствие всякой исторической идеи поражают на каждой строке. Автор рассказывает, что древляне убили Игоря, что жена Игоря Ольга отметила за него, что потом в 955 году она приняла христианство, потом видела видение, а наконец умерла. Вот вам и историческая идея, и местный колорит, и физиономия фактов. Точно так же можно было бы рассказать какую-нибудь деревенскую сплетню, не изменяя обстановки, потому именно, что обстановки нет и тени. О древлянах не сказано даже, что они жили в лесистой стране и отличались от полян дикостью и суровостью; имени полян не встречается во всем рассказе. Сказано, что князь Рюрик был первый русский государь, и это последнее выражение оставлено без всякого пояснения. Грамотный мужик, имеющий понятие о теперешних границах России и о значении слова государь,

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org может себе представить, что Рюрик был то же, что теперь император, что он владел такою же территорией, имел такой яге двор и штат министров, что он вел такой же образ жизни и, пожалуй даже, что его резиденциею был Петербург и Зимний дворец. Ведь популярное изложение состоит именно в том, чтобы каждое слово было объяснено и вызывало в уме читателя именно то представление, которое вы хотите вызвать. Вы должны предвидеть самое полное незнание, предполагать возможность самой грубой ошибки и приступать к делу, почувствовав в себе достаточно сил, чтобы разбить это невежество и устраниТЬ упорное заблуждение. Это очень трудно, но кто же и говорит, чтобы добросовестное исполнение задачи популяризатора было легко; сделать дело, как следует, всегда трудно, а такими популяризаторами, какие у нас теперь развелись, хоть пруд пруди, да что же в них толку. Говорится, например, что "Ольга сочла нужным принять на себя управление русским государством". А что такое было тогдашнее русское государство и в чем состояло его управление, как совершился в то время механизм государственной деятельности, это не пояснено ни одним словом. Далее говорится, что Ольга была "язычницею и поклонялась идолам и не знала, что первый долг человека состоит в том, чтобы прощать обиды". Этими словами объясняется то, что она погубила древлян, присланных просить ее руки для своего князя Мала. В этих словах есть две ошибки: во-первых, об язычестве Ольги не сказано ни слова, а выражение "поклонялась идолам" ничего не поясняет, потому что само по себе требует пояснения. Во-вторых, эти слова дают неверное и неправдоподобное объяснение поступка Ольги с древлянами. Древляне были избиты, потому что идея родовой мести, идея "кровь за кровь" господствовала во всем славянском мире в то время, когда еще слабо развиты были юридические понятия. Христианство не могло сразу искоренить эти понятия и подкапывало их настолько, насколько оно постепенно содействовало смягчению нравов. Заглушить голос человеческих страстей и подчинить их нравственному закону оно не могло, и стоит взглянуть на историю Византии, где императоры резали друг другу носы и выкалывали глаза, сталкивая друг друга с престола, чтобы убедиться в том, что христианство было бессильно, когда ему приходилось бороться с корыстным расчетом или с дикою страстью. Ольга потому убила древлян, что не была христианкою, а почему же христианин Владимир святой собирался идти войною на непокорного сына своего Ярослава? Почему христианин Святополк перебил своих братьев Бориса, Глеба, Святослава? Почему христианин Святополк-Михаил выколол глаза Васильку Ростиславичу? Почему, наконец, в XV столетии христиане Дмитрий Шемяка и Василий Темный позволяли себе во время междуусобий такие кровавые небесполезные злодеяния? - Говоря о жестокостях Ольги, автор старается показать высокое значение христианства; но, выводя эти жестокости из язычества, он навязывает христианству ответственность за те злодеяния, которые были совершены после крещения Руси. Это опять плачевное следствие дидактизма, который так же неуместен в истории, как в художественном произведении. Читая историю, надо учиться тому, чему учит сама жизнь, сами факты; если же автор желает вставлять нравоучения, до которых он дошел собственным умом, тогда лучше писать проповеди вроде Тита Антоныча, нежели статьи с претензией на историческое знание. Первые не оставляют никакого сомнения насчет своего характера, а последние обманывают и заинтересовывают своим заглавием. Рассказывая о прибытии Ольги в Константинополь, автор делает грубую историческую ошибку. "Греческий император Константин Багрянородный, - говорит он, - в золотой колеснице, сопровождаемый патриархом и всеми высшими чиновниками, выехал навстречу русской княгине". Нелепее этого известия трудно что-нибудь придумать. Кажется, в летописях Византии не было примера, чтобы император выехал навстречу какому-нибудь иностранному государю, и вдруг он выезжает навстречу Ольге, на которую он не мог даже смотреть как на государыню и в которой он должен был видеть просто полудискую искательницу приключений. Но не нужно в этом случае делать предположений насчет возможности подобного факта. Наши летописи и сочинения Константина Порфирородного опровергают эту нелепую выдумку; из рассказа наших летописей видно, что Ольга была недовольна приемом, который сделал ей император, и по возвращении в Киев жаловалась на то, что ее заставили долго стоять в гавани Константинополя. У Константина Порфирородного в "Церемониях византийского двора" подробно описан прием Ольги русской ("С"); прием этот происходил в золотом триклинии (столовой), сопровождался обедом, и, конечно, в описании этого приема ни о золотой колеснице, ни о встрече не упоминается ни одним словом. Я подозреваю в этой выдумке г. Н. С. нравоучительную цель. Он, вероятно, имел пополнение показать величие русского государства даже в те времена, которые для самого повествователя покрыты густым мраком неизвестности. Но добродетель не всегда торжествует, и добродетельный и благонамеренный патриотизм г. Н. С. разился о скалу исторических свидетельств и фактов. Выдумка г. Н. С. может служить ярким

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org подтверждением моей мысли о том, что книжки для народа составляются по плохим учебникам и что, где понадобится, факты учебников пополняются и подкрашиваются сообразно с наклонностями и глубокомысленными соображениями недоучившихся составителей. Научная и литературная добросовестность неизвестны в низших слоях нашей письменности, в толкучем рынке нашей журналистики и книжной торговли. Нашарлатанить, наврать, привести цитату из нечитанного сочинения или утаить источник, из которого заимствована какая-нибудь идея, - подобные подвиги позволяют себе и не одни составители грошевых книжек. Но кто посмешнее да необразованнее, тот мошенничает умно, так, что трудно будет поймать и уличить; кто же берется за перо, едва умея писать, без дарований и без сведений, тот попадается на первой же выдумке и обнаружит в полном блеске все свое невежество и все свое неуважение к истине, к своим читателям и к предмету своего рассказа. Пусть г. Н. С. примет в расчет это обстоятельство и постараится быть осторожнее или хитрее в последующих своих изданиях для народа. Пусть он чаще спрашивается с учебниками и реже увлекается преследованием побочных целей в историческом изложении.

Биография механика-самоучки Кулибина, составленная г. Троицким и продающаяся как отдельный оттиск из журнала "Народное чтение", {5} интересна по сообщаемым фактам, но изложена так дурно, как только может быть дурно изложена статья, написанная для народа. Г. Троицкий как будто нарочно старается нарушить своим изложением все условия, которых соблюдение необходимо для того, чтобы народ мог понять то, что для него пишут. Отвлеченные рассуждения, составляющие собою начало статьи, написаны таким тяжелым языком, такими длинными и запутанными периодами, что ими затруднится даже тот, кто привык к чтению и к книжным выражениям. Например: "Будучи убеждены, что благое провидение, оделяя человечество своими бесчисленными дарами, соблюдает строгую справедливость, мы не можем, однако, оспаривать, что многие исторические события, а также и различные условия окружающей местности имеют весьма сильное влияние на каждый народ и вырабатывают ему если не всегда, то на известный промежуток времени особенный характер, отличающий его от других народов". Так многое наговорить и так мало сказать на это надо особенное искусство. Ведь ни один порядочный журнал не принял бы на свои страницы статью, написанную таким языком, а написать таким образом для народа считается делом позволительным, между тем как для народа хороший язык составляет не прихоть, а насущную потребность, при неудовлетворении которой он не будет в состоянии понимать то, что ему стараются передать; Если бы г. Троицкий принес свою статью в редакцию одного из наших больших журналов, то его, вероятно, попросили бы переделать введение и повсеместно исправить язык. Печатая ее в "Народном чтении", редакция должна была сделать гораздо большие изменения. Отвлеченные рассуждения надо было совершенно уничтожить; связь между отдельными фактами жизни Кулибина надо было провести яснее; личный характер механика-самоучки, очерченный в беглом очерке под конец статьи, должен был осмысливать и окрашивать собою все сообщаемые эпизоды. Язык надо было переделать *de fond en comble*; {Совершенно, до основания (франц.). - Ред.} больше жизни, больше движения мысли и художественности и меньше отвлеченных рассуждений, больше критики и меньше панегиризма - и тогда биография Кулибина могла бы быть прекрасным подарком для грамотной части нашего народа. В настоящем своем виде книга г. Троицкого для народа недоступна, и ее прочтут только те грамотные простолюдины, которые читают для процесса чтения.

Небрежность, с которой пишут для народа даже люди, толкующие о сочувствии ко всему русскому и о народном благе, превышает всякое вероятие. Я рассмотрел десять книжек для народа, изданных в прошлом и в нынешнем году, и какие же результаты дало нам это обозрение? - Оно убедило меня и моих читателей в отсутствии хороших книг для народа, и хотя это убеждение, как всякая истина, имеет свою хорошую сторону, оно тем не менее крайне не утешительно. Мы сознаем свое бессилие - это хорошо, но существование самого бессилия - явление очень печальное. Начиная свою статью, я надеялся указать на разбираемые книги как на неудачные попытки, которые могут по крайней мере иметь свое значение как первая ступень в истории развития литературы для народа. Но чем внимательнее я вглядываюсь в преобладающий характер этих книг, тем более убеждаюсь в том, что видеть в них неудачные попытки, предполагать в них зародыши будущего развития - значит впадать в доктринерство и оказывать слишком много чести этим топорным произведениям промышленного пера. Гг. составители этих книжек делали, кажется, только одну попытку - выручить за свою работу деньги; насколько эта попытка удалась им не наше дело; что из подобных книжек ничего не разовьется ни в близком, ни в отдаленном будущем и что первому человеку, который выступит

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org вперед с добросовестным и просвещенным желанием служить народному образованию, будет так же трудно начать, как будто бы он первый пошел по этому пути, в этом, кажется, усомниться трудно. Дело нашей народности не стоит на одном месте, но его двигают не грошевые издания. Его несут на плечах наши публицисты, наши ученые и художники. Знакомя наше общество с государственными идеями и учреждениями Европы, изучая прошедшее нашего народа в его словесности, в его государственной, юридической и семейной жизни, выясняя мало-помалу, черту за чертой, характеристические особенности народного типа, публицисты, ученые и художники постепенно вырабатывают и проводят в общественное сознание тот идеал, к которому стремится наше современное общество.

14 марта 1861.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые опубликована в журнале "Русское слово" за 1861 г., кн. 3. Под данным названием вошла в ч. 9 первого издания сочинений (1868 г.). Существенных расхождений текста этих двух публикаций нет. Здесь воспроизводится по тексту первого издания с исправлением отдельных опечаток по тексту журнала.

Статья затрагивает два вопроса, важные для революционно-демократической критики 1860-х гг.: о народности литературы, о ее задачах в воспроизведении народной жизни и о том, каковы должны быть популярные книги, предназначенные для народного чтения.

В освещении первого вопроса Писарев близок к тем взглядам, которые высказывали в своих статьях Чернышевский и Добролюбов (см., напр., "Заметки о журналах" в август 1856 г. Чернышевского, статьи добролюбова "А. В. Кольцов", "О степени участия народности в русской литературе" и др.).

Писарев требует от литературы глубокого и всестороннего отражения народной жизни в ее типических проявлениях. Вывод Писарева о том, что литература еще далеко не прониклась пониманием внутренних сторон жизни простого человека, что ее произведения еще не могут быть непосредственно восприняты читателем из народа, носит полемический характер. Такой вывод, связанный с критикой произведений писателей-дворян, посвященных изображению людей из народа, характерен для демократической критики 1860-х гг., ставившей перед литературой задачу изображения важнейших сторон народной жизни в ее развитии, подчинения литературы общим целям демократического движения.

Характерно, что Писарев связывает успехи народности литературы с развитием передовой публицистики, науки, с развитием понимания подлинных жизненных интересов народа.

Вопрос о создании популярной литературы для народа, стоящей на высоком идейном и научном уровне, глубоко занимал демократическую критику, начиная с Белинского (см., напр., его рецензии на сборники "Сельское чтение" в 1840-х гг.). Эта задача была тем более важна, что усилия реакционеров и разных промышленников от литературы были направлены на то, чтобы наводнить рынок книжками лубочного характера, "изделиями промышленного пера", проповедующими отсталые и реакционные взгляды. Революционные демократы 1840-1860 гг. подвергали беспощадной критике и осмеянию эти произведения "толкучего рынка литературы", как их называл Белинский. Статья Писарева представляет яркий образец такой критики. В ней выражены взгляды критика на то, каким должно быть содержание и изложение популярных книг для народа.

1 Давно ли в наших журналах рассуждали... нужна ли и полезна ли для народа грамотность? - в 1856 г. писатель и составитель "Толкового словаря живого великорусского языка" В. И. Даля в письме к А. И. Кошелеву, опубликованном в славянофильском журнале "Русская беседа" (т. 3), утверждал, что грамотность приносит народу вред, если не опирается на проповедь религиозных взглядов. То же было высказано им в заметках, напечатанных в 1857 г. в журнале "Отечественные записки" (кн. 2) и в газете "С.-Петербургские ведомости" (Э 245). Аналогичные высказывания имели место в официальных изданиях и в журналах реакционного характера и позднее (см., напр., выступление священника И. Веллюстина в "Журнале министерства народного просвещения", 1860, кн. 10).

2 "Солдатская беседа" - журнал, выходивший с 1858 по 1867 г.

Издатель-редактор А. Ф. Погосский. Журнал был предназначен для солдатского чтения и в целом носил консервативный характер.

3 Гуманист - в устарелом значении: тот, кто занимается вопросами истории, филологии и т. д.

4 Иронически говоря о старчески-византийском тоне, Писарев имеет в виду указать на церковно-православные тенденции книжки.

5 "Народное чтение" - журнал, выходивший в 1859-1862 гг. под редакцией А. Оболенского и Г. Щербачева; с 1861 г. издавался Лермонтовым. В книжках журнала помещались рассказы, очерки и популярные статьи для народа крайне

Народные книжки. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
пестрого характера и достоинства. Наряду с отдельными полезными популярными
очерками здесь печатались такие рассказы и очерки, в которых преподносились
читателю отвлеченно-моралистические рассуждения, "прописи"
дворянско-буржуазной морали.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!